

Скромное обаяние студии

Первые шаги «Центра драматургии и режиссуры»

Сцена — искусство парадоксов: современная молодая драматургия, которую практически не ставят в крупных театрах (как, впрочем, и немолодую), живет тем не менее куда полнокровнее той же молодой режиссуры. Из всех театральных изданий остались только два: журналы «Современная драматургия» и «Драматург». Ежегодный семинар молодых авторов проходит в Любимовке, бывшем имении Станиславского. А в прошлом году открыл свой первый сезон «Центр драматургии и режиссуры» под руководством Алексея Казанцева и Михаила Рошина, на счету которого уже две премьеры.

Вывеска «Театр «Русский дом»» на Сretenском бульваре явно меньше рекламы игровых автоматов, располагающихся в том же здании, — за их счет во многом и существует театр, приоткрывший новый центр. В двух полутемных комнатках — зал автоматов и бар — с видимым удовольствием собирается молодежь, которая потом плавно перетекает в крохотный залчик, оборудованный в том числе и на личные средства молодых дарований. Все это живо напоминает студийные театрики в лондонском Ист-энде или на нью-йоркском Манхэттене.

Обе премьеры центра — «Юдифь» Елены Исаевой, где с успехом играет заглавную роль актриса чеховского МХАТа Вера Воронкова, прославившаяся после фильма «Время танцора», и «Новую жизнь» Екатерины Шагаловой — поставил совсем молодой Вадим Данцигер (карьера его уже пошла в гору: Владимир Андреев пригласил Данцигера работать над «Маленькими трагедиями» Пушкина в Театре Ермоловой). И хотя Алексей Казанцев считает, что русский театр, начиная с Грибоедова и кончая Чеховым, — театр традиционно социально-политический, ситуация в его новом детище пока вполне отражает общую картину: засилье женской драматургии с ярко выраженным феминистским уклоном.

Вот сюжет «Новой жизни»: некая Наташа приезжает в глухую деревню «спасать» спившегося актера Цепова. При этом сам Цепов интересуется ее меньше всего — героиня уливается своими страданиями. Она вспоминает эпизоды собственного детства, любит изысканным нижним бельем, надетым по случаю соблазнения непутевого любовника, и с медицинской обстоятельностью перечисляет порции тазепамы и седуксена, принятые в момент суицида (если судить по нынешним пьесам, то каждая порядочная женщина переживает его неоднократно). Между делом сообщает, что недавно похоронила богатого мужа и оставит сиротой собственного ребенка, если Цепов не сдастся. Финал закономерен: герой похищает у деревенского балагура Кузьмича ружье и бежит куда глаза глядят.

Зрительницам, воспитанным на журнале «Космополитен» с его советами, как лучше обвести вокруг пальца богатеньких идиотов, и передаче «Я сама», где Мария Арбатова призывает всех женщин начать новую жизнь, пьеса нравится. Зал отключается и на современную лексику, легко сочетающую брань и философские сентенции, цитаты из «Оптимистической трагедии» и набоковской «Лолиты». Надо сказать, что сыгран и поставлен спектакль на удивление культурно, без всякого эпатажа и безвкусных приемов, ожидаемых в такой ситуации. Эта чистота тона — возможно, пока самое отрадное впечатление от работы нового театра.

Идея создания «открытого пространства» для молодых драматургов и режиссеров не может не вдохновлять. Ведь уже несколько лет, как прекратили существование «Творческие мастерские», открывшие широкой публике Владимира Мирзоева, Александра Пономарева, Клина, — у СТД нет денег. Их нет и здесь: все актеры и постановщики центра сегодня работают бесплатно, билеты распространяются в основном между своими. Но зато множество: ученик Фоменко Владимир Космачевский собирается ставить сценарий Бергмана, режиссер Ольга Субботина — известную в Европе пьесу «Shopping and fucking», хотят попробовать себя в режиссуре молодые актеры Ленкома и «Современника». Одно небольшое помещение и множество лидеров — может быть, это и есть сегодняшняя студийность, о которой ностальгически вспоминают корифеи.

НИНА АГИШЕВА